

Журавль и Цапля.

— Жили-были Журавль да Цапля, накосили стожокъ сѣнца, поставили середь поляца. Не начать ли намъ опять съ конца?»

— «Начни!» — «Ты: начни, я: начни. Жили-были Журавль да Цапля, накосили стожокъ сѣнца, поставили середь поляца. Не начать-ли намъ опять съ конца?»

правду, жили-были Журавль и Цапля, на одномъ болотѣ, да въ разныхъ концахъ. Наскучило Журавлю холостое житье: «Пойду-ка, — думаетъ, — я къ Цаплѣ, посватаюсь; чѣмъ не жена будетъ». Пошолъ Журавль къ

Цаплѣ: тяпъ-ляпъ, тяпъ-ляпъ, семь верстъ болото мѣсилъ. «Здравствуй, Цапля.» — «Здравствуй, Журавль.» — «Иди, Цапля, за меня замужъ». — «Ишь, чего захотѣлъ! У тебѣ ноги долгія, платье короткое, плохо летаешь, — жену прокормить не сможешь. Пошелъ прочь, долговязый!» Обидѣлся Журавль и ушелъ.

Какъ ушолъ онъ, Цапля раздумалась: «Эхъ, не напрасно-ли я Журавля прогнала! Гдѣ ужъ нынче жениховъ очень выбирать. Пойду, скажу, что согласна.» Пришла, стучитъ къ Журавлю въ двери: «Журавль, а Журавль!» — «Чего тебѣ?» — «Ну ладно, такъ и быть, пойду за тебя замужъ» — «Нѣтъ, Цапля, не надо мнѣ тебя. Не хочу жениться, не беру тебя замужъ. Убирайся, откуда пришла!» Заплакала Цапля со стыда и воротилась домой.

А Журавль, какъ остался одинъ, сталъ думать: «Чего я такъ на Цаплю разсердился? Извѣстно, ихъ дѣло дѣвичье, нелзя не поломаться. Да и скучно же одному! Пойду, возьму Цаплю замужъ.» Пришолъ и говорить: «Цапля, я къ тебѣ: иди за меня замужъ» — «Нѣтъ, Журавль, ты меня осрамилъ. Не пойду за тебя» — Пошолъ Журавль домой, не солоно хлебавши, а Цап-

ля опять раздумалась: «Зачѣмъ отказала? Что одной-то жить? Лучше пойду за Журавля.» Приходить къ Журавлю,—Журавль не хочетъ, прогналъ Цаплю. Прогналъ да потомъ обдумался—идетъ къ Цаплѣ, — опять Цапля не хочетъ.

Такъ-то и по сю пору ходятъ они одинъ къ другому свататься, да никакъ не женятся.

Пузырекъ, соломенка и уголь *).

бабушки, у старушки лежалъ пузырекъ въ кладушкѣ. Отворила разъ старушка свою кладушку — Пузырекъ-то, и выскочи. Выскочилъ, и давай храбровать: «Нѣтъ мнѣ, Пузырьку, здѣсь удалца равнаго, не съ кѣмъ мнѣ, богатырю, силой помѣяться. Пойду въ чуждалные края, въ Іерусалимъ-градъ, съ бусурманами воевать.» Набралъ себѣ Пузырь храбрыхъ товарищей—Уголька да Соломенку и пошли они въ невѣдомые края: черезъ порогъ—въ сѣни, съ сѣней—на крыльцо. А у того крыльца увидали молодцы широкое озеро: цѣлое ведро воды дѣвка пролила.

Говоритъ Пузырь-богатырь: «Перекинься ты, Соломенка, черезъ озеро съ берега на берегъ, мы по тебѣ перейдемъ». Перекинулась Соломенка. Уголекъ—онъ горячій,—впередъ прыгнулъ. На самой серединѣ озера замутило у Уголька со страху въ головѣ, остановился онъ.... Какъ закричитъ Соломенка: «Батюшки, жарко! Родимые, горю! Жжетъ меня Уголь!» — Перегорѣла да и бултыхъ вмѣстѣ съ Уголькомъ въ воду. А Пузырекъ хохоталъ-хохоталъ, смѣячисъ съ крыльца свалился—и объ камень разбился.

Кабы не эта бѣда, не видать бы теперь бусурманамъ Іерусалимъ-града!

*) Записана А. А. Гатиукомъ въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губ. (1867 г.)